

ИСТОРИЯ КАК РЕАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА (ИСТОРИОЛОГИЯ) И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИОСОФИЯ)¹

Юрий Иванович Семенов — доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, кафедры философии МФТИ. E-mail: semenov-yu2013@ya.ru

Рассматриваются ключевые проблемы методологии исторического познания. Автор не принимает концепцию неокантанства. Различая две формы “унитаризации научного знания” — теоретизацию (эссенциализацию) и холизацию, автор ставит вопрос о возможности теоретического осмысления истории человечества. Здесь, как утверждается, наибольшие возможности открывает материалистическое понимание истории, основы которого были разработаны К. Марксом. В связи с этим развивается тезис о методологической несостоятельности идеалистических концепций, притязающих на особые глубины исторического постижения истории.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, неокантианство, холизм, эссенциализм, философия истории.

HISTORY AS A REAL PROCESS: HISTORICAL SCIENCE AND PHILOSOPHY OF HISTORY

Yuri Semyonov — doctor of historical sciences, Ph. D. in philosophy, professor, department of philosophy, Moscow State Technical Institute.

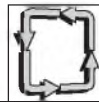
In this article author considers the problem of epistemology of historical knowledge. Author doesn't accept the neo-kantianism theory. He makes an attempt to differ the two forms of unitarization of scientific knowledge — theoretization and the principle of holism and, hence, the two forms of the theoretical consideration of history. The author insists that the Marxists approach seems to be the most relevant from this point of view. Thus, he defends the thesis that the idealistic concepts are much vulnerable comparing with the materialistic approaches.

Key words: materialistic approaches, neo-kantianism, holism, essentialism, philosophy of history.

В статье В.М. Межуева ключевым является вопрос об отношении философии истории, истории как реального процесса и истории как науки об этом процессе (исторической науки, или историологии). И в нем следует разобраться. И историология, и философия истории (историософия) занимаются историей. Но по-разному.

Историология, как и любая другая конкретная наука, начинает со сбора единичных фактов. Но ее отношение к фактам несколько иное, чем у наук естественных. Этот момент был абсолютизирован неокантианцами баденской

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, проекты № 14-03-00796 «Междисциплинарные основания социальной теории: информационные, системно-теоретические и этно-антропологические подходы к изучению общества» и 15-03-00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты».

школы (В. Виндельбандом, Г. Риккертом). Как считают последние, естествознание от фактов идет к установлению законов, а историческая наука ограничивается детальным исследованием единичных фактов. Они не правы. Историология, как и любая другая конкретная наука, стремится дать понимание фактов, объяснить, интерпретировать, истолковать их.

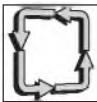
Понять факты можно только путем их объединения, унитаризации. Естествознание никогда не ограничивается единичными фактами. От них оно всегда идет к общим фактам. Объединить, а тем самым объяснить эти факты можно лишь одним способом — выявить сущность явлений, представленных в этих фактах, раскрыть законы, управляющие этими явлениями. Для этого нужны идея, представляющая эскиз сущности явления, развертывание ее в гипотезу, проверка последней и в случае подтверждения ее истинности превращение ее в теорию, имеющую своим содержанием сущность явлений. Этот способ унитаризации фактов можно назвать теоретизацией, или эссенциализацией. Теория создается на основе фактов, но никогда их в себя не включает.

Историология в отличие от естествознания никогда не может отвлечься от единичных фактов. Они присутствуют во всех ее понятийных построениях. Поэтому она с неизбежностью должна заниматься объединением единичных фактов. Это объединение происходит иначе, чем унитаризация общих фактов. Здесь мысль движется не от явления к сущности, не от отдельного к общему, а от части к целому. И здесь нужна идея, но не эссенциальная, а холическая. Она выступает в роли своеобразного клея, который связывает единичные факты и тем превращает их в части единого целого. Эту мыслительную конструкцию, состоящую из единичных фактов, связанных в единое целое идеей, можно назвать идеефактуальной картиной или, короче, *холийей*. Соответственно данный вид унитаризации можно поименовать холизацией [Семенов, 2013а: 109–215].

Холизация – менее совершенная форма унитаризации, чем эссенциализация. Она не дает знания сущности, законов. И возникает вопрос, способна ли историология не только к холизации, но и к эссенциализации. Ответ на него зависит от решения крайне важной для исторической науки проблемы.

История складывается из событий, все исторические события суть действия людей, а действия людей определяются их сознанием и волей. Люди творят историю в соответствии со своими взглядами, идеями, преследуя определенные поставленные ими цели. Это совершенно неопровержимый факт.

Но далее встает вопрос об источнике воли и сознания людей, творящих историю. И на него даются три основных ответа. Первый: сознание и воля людей первичны, исходны. Ход истории определяется

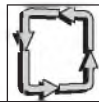
сознанием и волей людей. Это — исторический волюнтаризм, или, как сейчас говорят, конструктивизм. Второй: существует некое объективное духовное начало (в религиозной философии — бог), определяющее волю людей, а тем самым и ход истории. Третий: в обществе существует некая объективная естественная (в смысле — не сверхъестественная) основа, объективное общественное бытие, которое, развиваясь по объективным законам, определяет сознание и волю людей и тем самым детерминирует общий ход истории.

Нетрудно заметить, что здесь перед нами та самая проблема, которая в марксистской философской литературе именуется основным вопросом философии. Сейчас от него нередко полностью открещиваются, объявляя досужей, а иногда и зловредной выдумкой Энгельса. На самом деле вопрос об отношении мира и сознания считали основным все великие философы, начиная с Платона и кончая Гегелем. Да и сейчас немало западных мыслителей придерживается такого взгляда [Семенов, 2013b: 69–98].

Мир включает в себя не только природу, но и общество. И философия решает этот вопрос в применении не только к природе, но и к обществу. Этим занимается тот ее раздел, который называют и философией истории, и социальной философией. Философия истории не собирает, не описывает и не объясняет единичные факты, как это делает историология. Она предлагает и обосновывает то или иное решение основного вопроса философии в применении к обществу и его истории. Раньше она также пыталась нарисовать самую общую картину всемирной истории, что делали Августин Аврелий, Иоахим Флорский, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель и многие другие. Теперь нужда в такой философской картине истории отпала, как перестала быть необходимой натурфилософия, хотя попытки продолжаются.

Из трех названных выше решений основного вопроса философии применительно к обществу и истории два первых являются идеалистическими, третий — материалистическим. Только последний предполагает взгляд на историю как на объективный естественный (в смысле — не сверхъестественный) процесс, идущий по объективным законам, а тем самым и возможность для историологии заниматься не только холизацией, но и эссенциализацией. Лишь материалистическое понимание истории способно превратить историологию в подлинную науку. Существует множество вариантов волюнтаристического и объективно-идеалистического понимания истории. Материалистическое же ее понимание существует только одно: то самое, которое было создано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Оно первое в истории философской мысли и единственное. Других нет.

Если судить по статье В.М. Межуева, ее автор целиком и полностью находится на позиции идеалистического понимания истории. Он утверждает, что ход истории определяется идеями, целями, кото-

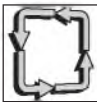

рые ставят перед собой люди. Это, конечно, чистый волюнтаризм. С ним полностью согласуются положения Межуева об отсутствии в истории законов, объективной предопределенности, в частности, прогресса. Но наряду с этими тезисами в статье содержатся и другие: о наличии у истории смысла, назначения. А это — крен в сторону объективно-идеалистического понимания истории, такая же эклектика, как и у весьма чтимого автором К. Ясперса.

В постсоветские годы Межуев занимал довольно своеобразную позицию. С одной стороны, он выступал с довольно резкой критикой марксизма, при этом иногда приписывая его классикам взгляды, которых они никогда не придерживались; с другой — изображал из себя если не сторонника, то по меньшей мере друга марксизма [Семенов, 2013с: 180–185]. Таких людей, следуя Энгельсу, можно назвать «опасными друзьями марксизма». Сейчас маскарад закончился. Выступив как чистейший идеалист, Межуев отделался от материалистического понимания истории презрительным замечанием о «советском “истмате”» (слово «истмат» было взято им в кавычки). В наших тогдашних учебниках исторический материализм действительно был и вульгаризирован, и догматизирован. Но подлинное материалистическое понимание истории от этого никуда не исчезло. И оно всегда получало самую высокую оценку западных историков и социологов, не являвшихся марксистами [Семенов, 2013d: 128–130].

Крупный современный английский историк Джон Тош в главе «История и социальная теория» книги «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка» характеризует материалистическое понимание истории как наилучшую социальную теорию из всех ныне существующих и почти всю главу посвящает изложению основных положений исторического материализма.

«Мой продолжительный анализ марксистской исторической теории, — пишет в заключение Тош, — некоторые читатели могут расценить как субъективную приверженность автора вышедшему из моды радикализму. Разве марксизм не оказался на свалке истории теперь, после 1989 г., когда во всем мире сохранились лишь островки марксистских режимов, а международное коммунистическое движение потерпело полный крах?.. Сейчас еще рано утверждать, какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989–1999 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов. Во-первых, большинство историков-марксистов мало интересовались возможным влиянием их работы на политический процесс в прошлом и настоящем, придерживаясь мнения о минимальной связи между исторической теорией Маркса и его революционно-политическим учением. Во-вторых, нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно бес-

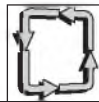
прецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории» [Тош, 2000: 271].

Возвращаясь к Межуеву, отметим, что в его лице марксизм потерял опасного друга и обрел врага, который не представляет для него никакой опасности. Опасен тот, кто предлагает лучшее решение той или иной проблемы. А в данном случае об этом не может быть и речи. Общее решение основного вопроса философии применительно к обществу и его истории, которое отстаивает Межуев, абсолютно не оригинально. Но, может быть, он оригинален в каких-то частностях?

Особенность мышления Межуева состоит в его глубоком убеждении в том, что если он уверен в правильности какого-либо утверждения, то его как истинное должны принимать все без исключения. Поэтому доказывать его истинность нет никакой необходимости. Это относится в первую очередь к его пониманию различия между исторической наукой и философией истории. Он безоговорочно утверждает: «В своем понимании истории философ в отличие от историка движется как бы в обратном направлении — не от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому. Для историка такое постижение истории неприемлемо, даже антинаучно, для философа только оно и возможно». Для Межуева это может быть и действительно так, но далеко не для всех специалистов по философии истории. Для Межуева это нужно, чтобы выдвинуть время на первый план в философии истории. Но в большинстве философско-исторических концепций оно такой роли не играет.

Выдвигая свои идеи о роли времени в истории, Межуев в привычном для него ключе заявляет: «Со времен Канта известно, что идеи не имеют предмета в опыте. Их нельзя подтвердить никакими фактическими данными и эмпирическими свидетельствами». Со времен Канта известно совсем иное, а именно, что этот мыслитель считал идеи априорными и не более того. А истинность этого положения никогда не признавалась всеми. Оно ошибочно. Идеи — а существуют не только философские, но и научные и многие другие — действительно никогда не выводятся прямо из фактов, но все истинные идеи всегда имеют под собой прочную эмпирическую основу. Иное дело — ложные идеи. Они могут не иметь такой основы.

Ссылка на Канта имеет у Межуева весьма практический смысл. Как он сам признает, все его идеи, которые он выдает за философско-исторические, не имеют под собой эмпирической базы. Поэтому доказать их истинность невозможно. Межуев даже не пытается это

сделать. А по Канту, это и не нужно, и невозможно. Вполне достаточно просто провозгласить их истинными.

У Межуева господствует своеобразная авторитарная концепция истины. Есть люди, которым нужно и можно верить на слово, ибо они не могут ошибаться. Таков Кант. Таков Ясперс. Отсюда вытекает истинность созданной им концепции осевого времени. В восторге от нее не только Межуев, но и многие другие наши философы. Нужно отдать должное Ясперсу: он в отличие от Межуева все же стремится опереться на факты. Другое дело, что у него ничего не получается. Факты никак не укладываются в создаваемую им картину. В результате он на каждом шагу противоречит сам себе. Межуеву стремление опереться на факты совершенно чуждо. Он уверен в том, что все творения его ума всегда истинны. Но, настаивая на своем праве создавать истинные концепции, не опирающиеся ни на какой эмпирический материал, он одновременно сурово отчитывает советских специалистов по историческому материализму за полный отрыв их теоретических построений от эмпирии, от опыта. Как говорили римляне, что позволено Юпитеру...

Но самое, пожалуй, удивительное в статье Межуева, так это ее название. Человек, создающий концепцию, которая не основана, как он сам признает, ни на каком историческом материале, претендует на то, что она представляет собой зеркало истории, т.е. верное отражение исторической реальности. На деле же она, как и следовало ожидать, представляет собой набор пустопорожних фраз, не заслуживающих никого серьезного внимания. «Взгляни и мимо».

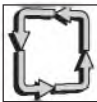
Вообще удивительного в статье Межуева более чем достаточно. Чего только стоит, например, его безапелляционное утверждение: «Безусловным императивом исторической науки является требование смотреть на прошлое глазами живших тогда людей». Что же тогда получается? Если, например, европейцы XIV в. считали разразившуюся в то время эпидемию чумы божьей карой, то именно так, а не иначе должны ее трактовать и современные историки? Большой глупости, чем приводимый им императив, приписать историкам просто невозможно.

Библиографический список

Семенов, 2013а — *Семенов Ю.И.* Введение в науку философию. Кн. 4. Современные проблемы теории познания или логики разумного мышления. М.: Либроком, 2013. С. 109–215.

Семенов, 2013б — *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии. Кн. 1. Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. М.: Либроком, 2013. С. 69–98.

Семенов, 2013с — *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии. Кн. 6. Трудная судьба философии диалектического материализма (конец XIX — начало XXI в.). М.: Либроком, 2013. С. 180–185.

Семенов, 2013d — *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект, 2013. С. 128–130.

Тош, 2000 — *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 271.

References

Semyonov Ju.I. Vvedenie v nauku filosofiju. Kniga 4: Sovremennye problemy teorii poznaniya ili logiki razumnogo myshleniya (An introduction to historical science. Book 4: Contemporary problems of the theory of knowledge and the logic of reasonable thinking). Moscow, 2013, pp. 109–215.

Semyonov Ju.I. Vvedenie v nauku filosofii. Kniga. 1. Predmet filosofii, ee osnovnye ponjatija i mesto v sisteme chelovecheskogo znaniya (An introduction to philosophical science. Book 1: The subject of philosophy, its basic concepts and place in the system of human knowledge). Moscow, 2013, pp. 68–98.

Semyonov Ju.I. Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 6: Trudnaja sud'ba filosofii dialekticheskogo materializm (konec XIX — nachalo XXI v.) (An introduction to philosophical science. Book 6: Hard fate of dialectical materialism (end of XIX — beginning of XXI century). Moscow, 2013, pp. 180–185.

Semyonov Ju.I. Filosofija istorii. Obshhaja teorija istoricheskogo processa (Philosophy of history. The general theory of historical process). Moscow, 2013, pp. 128–130.

Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika (Tosh J. The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History). Moscow, 2000, p. 271.